

тайны. В соответствии со ст. 98 ГК Республики Узбекистан гражданско-правовой защите подлежит информация, которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам. Ее обладатель должен принимать меры по охране конфиденциальности информации.

В ГК Республики Армения информация также отнесена к виду объектов гражданских прав. Ст. 141 указанного кодекса обязывает лиц, получивших незаконными способами или разгласивших информацию, составляющую служебную, коммерческую или банковскую тайну, возместить причиненные убытки.

Сходный подход с белорусской моделью к гражданско-правовому регулированию информации у законодателя Республики Казахстан. В ст. 115 ГК указанного государства нет прямого отнесения информации к объектам гражданских прав, однако она охраняется нормами гражданского права в качестве нераскрытой информации, в том числе составляющей коммерческую или служебную тайны. ГК Республики Казахстан так же, как и ГК Республики Беларусь, устанавливает гражданско-правовую ответственность лиц за незаконное использование нераскрытой информации.

Анализ гражданского законодательства зарубежных государств свидетельствует о том, что в большинстве случаев информация отнесена к объектам гражданских прав. Однако в каждом государстве имеются свои особенности гражданско-правового регулирования защиты определенного вида информации.

Полагаем, что для Республики Беларусь наиболее полезным является опыт Российской Федерации. Это подтверждается проведением совместной работы двух стран по унификации гражданского законодательства, определенной Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 6 «Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы». Декрет предусматривает согласование единых терминов и понятий законодательства применительно к отдельным видам гражданско-правовых договоров, что актуально ввиду предусмотренной ответственности за нарушение договорных обязательств, связанных с незаконным использованием или ознакомлением с информацией, которая составляет коммерческую или служебную тайны.

В белорусской системе права информация охраняется гражданским законодательством лишь при соблюдении двух условий: она является нераскрытой либо в отношении информации установлен режим коммерческой или служебной тайны. Кроме того, ГК Республики Беларусь не относит к объектам гражданских прав никакую иную информацию кроме нераскрытой. В связи с этим остается открытым вопрос о гражданско-правовом регулировании защиты такой информации, которую законодатель не относит к объектам гражданских прав: информации о частной жизни, персональных данных, личной, семейной тайны и др.

Таким образом, учитывая опыт стран ближнего и дальнего зарубежья, считаем необходимым определить следующие направления гражданско-правового регулирования информации:

расширение в ГК Республики Беларусь видов информации, подлежащей гражданско-правовому регулированию, и закрепления их в системе объектов гражданских прав;

уточнение в законодательстве порядка осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей в сфере использования информации;

совершенствование правовой регламентации способов защиты гражданских прав на информацию.

УДК 347.775

А.В. Чигилейчик

«ВИРТУАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО» В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

В настоящее время с развитием информационных технологий гражданский оборот становится все более и более динамичным. Поскольку эффективная цифровая экономика предполагает включение в гражданский оборот различных нетипичных объектов – «виртуального имущества» (компьютерных персонажей, виртуальных товаров и т. д.), традиционная система объектов гражданских прав подлежит пересмотру. Отдельные из таких объектов отличаются своей разнородностью, нематериальностью и существуют в ином, специфическом виртуальном пространстве. Отличаясь неосязаемостью, такие объекты обладают определенным экономическим потенциалом, ликвидностью. Обладание «виртуальным имуществом» влечет за собой реальные экономические последствия. Данное имущество можно использовать в различных сферах деятельности, извлекать доход, потенциально наследовать, виндигировать и обращать на него взыскание. Вместе с тем фактическая легализация «виртуального имущества» в гражданском обороте, его доступность и трансграничный характер требуют совершенствования правового регулирования.

Правовое регулирование общественных отношений, связанных с «виртуальным имуществом», находится в начале своего становления и развития. Общемировая судебная практика практически относит «виртуальное имущество» к реальной собственности и признает необходимость его безусловной правовой защиты. Необходимой интеграции в правовой оборот «виртуального имущества» препятствует сложившийся определенный консерватизм и проблемы, связанные с определением правовой природы таких объектов. «Виртуальное имущество» нельзя привязать к конкретному материальному носителю, возможна его неопределенность в случае прекращения поддержки правообладателем, блокировки и т. п. Однако определение места «виртуального имущества» в системе объектов гражданских прав, легальное включение его в гражданский оборот и распространение на него соответствующего правового режима – одна из насущных проблем гражданского права в современный период.

Правовая доктрина отличается разнообразием взглядов на «виртуальное имущество» как на правовую категорию в целом, так и на его место в системе объектов гражданских прав в частности. Так, А.В. Лисаченко относит «виртуальное иму-

щество» к реальности, игнорировать которую нельзя. О.Н. Горохова полагает возможным введение понятия «виртуальное имущество» в правовое поле, что позволит противодействовать киберпреступности. А.И. Савельев видит необходимым выработку специальных норм в отношении виртуальных объектов. Имеющиеся правовые воззрения на проблему «виртуального имущества» свидетельствуют о его значимости, необходимости разработки правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Наиболее сложная проблема данной сферы общественных отношений заключается в формировании понятийного аппарата. Отдельные авторы «виртуальное имущество» рассматривают в качестве фикции (А. Абдуджалилов). Термин «виртуальное имущество» сегодня нельзя назвать устоявшимся и нормативно определенным, однако его применение в целом формирует понимание о соответствующем объекте. В то же время современные юристы используют иную инновационную терминологию: «цифровые объекты виртуальных миров», «цифровые активы», «цифровое имущество», «нематериальные объекты, составляющие цифровое имущество и имеющие виртуальное происхождение» и др. В правоприменительной практике также используются синонимичные с «виртуальным имуществом» термины: «виртуальная собственность», «игровые объекты» и т. д., что создает правовую неопределенность и проблемы правоприменения.

В белорусском законодательстве понятие «виртуальное имущество» не раскрыто. Попытки его определения встречаются в юридической литературе (Н.В. Гаразовская, С.М. Нагареш, М.А. Рожкова, Д.С. Четвергов и др.). В основном авторы относят к «виртуальному имуществу» объекты «виртуального мира», не связанные с реальным миром, находящиеся в обладании различных субъектов и имеющие потенциальную экономическую ценность.

В настоящее время в современной правовой доктрине выработано два подхода, позволяющих классифицировать имущество как виртуальное. Согласно первому широкому подходу к «виртуальному имуществу» относят социальные сети, мессенджеры, онлайн-игры (MMORPG или массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра), блокчейн, криптовалюту, токены, игровое имущество и др. (М.А. Рожкова, Д.С. Четвергов и др.). Согласно второму подходу к классификации «виртуального имущества» последнее рассматривается исключительно в понимании «виртуального игрового имущества».

В сфере реализации «виртуального имущества» в гражданском обороте проблемными также видятся следующие вопросы: соотношение понятий «виртуальное» и «цифровое имущество», определение правового «режима виртуального имущества», включение его в систему объектов гражданских прав. Сегодня в судебной практике суды относят к объектам оборота «цифровые активы» и распространяют на них правовой режим вещи. В то же время отдельные авторы, принимая во внимание специфику «виртуального имущества», возражают против распространения вещного режима на «игровые объекты» (Т.С. Смирнова). Считаем также неверной квалификацию возникших правоотношений, связанных с «виртуальным имуществом», таких как игры и пари. Подобная позиция в правовой доктрине – превалирующая.

Для определения правовой природы «виртуального имущества» важное значение имеет его соотношение с объектами интеллектуальной собственности. Высказанную позицию, согласно которой «виртуальное имущество» нельзя отнести к объектам интеллектуальной собственности, считаем недостаточно обоснованной. В то же время в правовой доктрине сформирован иной подход, в силу которого «виртуальное имущество» может относиться как к объектам авторского права, так и к имуществу (И.В. Кириченко). Спорность правовых взглядов подчеркивает неоднозначность правовой природы «виртуального имущества».

Следует обратить внимание на значимую проблему, связанную с доступностью и использованием «виртуального имущества» после смерти его правообладателя. Особенно актуальна реализация возможности наследования «виртуального имущества»: социальных сетей, аккаунтов, онлайн-счетов, различного «игрового имущества» и др. Определение судьбы названных объектов после смерти их правообладателей позволит исключить возможную спорность и упорядочить взаимодействие субъектов гражданских правоотношений.

Таким образом, в настоящее время объективно необходимо совершенствование правового регулирования, позволяющего обеспечить правовую защиту владения «виртуальным имуществом», что позволит последнему занять достойное место в системе объектов гражданских прав. Использование «виртуального имущества» в гражданском обороте должно быть логичным и стандартизированным, не порождать проблем правоприменения и неопределенность в оборотоспособности. Наиболее перспективное направление в сфере правового регулирования «виртуального имущества» – разработка и определение собирательного термина «виртуальное имущество» с включением в него примерного перечня возможных видов такого имущества. Гражданский кодекс Республики Беларусь при этом не требует корректировки, поскольку используемая в ст. 128 правовая конструкция «иное имущество» позволяет включать «виртуальное имущество» в систему объектов гражданских прав. Представляется целесообразным выработать специальный закон о «виртуальном имуществе» с определением необходимой терминологии, уточнением правового режима подобных объектов и их оборотоспособности. Возможные ограничения оборотоспособности должны быть минимальны и обусловлены необходимостью обеспечения общественной безопасности, защиты прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства.

УДК 347.4

И.Н. Яхновец

МЕСТО УДЕРЖАНИЯ ИМУЩЕСТВА В СИСТЕМЕ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Основным и наиболее часто встречающимся способом прекращения обязательств является их надлежащее исполнение. Однако это происходит не всегда и для того чтобы стороны не нарушали принятые на себя обязательства, законодательством предусмотрены способы обеспечения их надлежащего исполнения. С этой целью в п. 1 ст. 310 Гражданского кодекса Республики Беларусь закреплены следующие способы обеспечения исполнения обязательств: неустойка, залог, удержание